

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ абхазскихъ народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ сѣдой старины въ странѣ. Что касается перваго предмета, то насколько мнѣ извѣстно, онъ почти не затронутъ въ литературѣ. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ въ литературѣ всего 2 преданія: самурзаканское преданіе объ очокочи (лѣсныхъ, людяхъ) и абживское преданіе о богатырѣ Брыскиліа (или Абрсклѣ), напечатанныя въ «Сборникѣ Матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» ¹⁾. Въ виду этого, крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ взялся поскорѣе собрать абхазскія преданія, пока они еще не исчезли изъ памяти народа. Намъ лично привелось слышать всего 3 преданія; это во 1) преданіе о великанахъ Адоу, или Адоуква (мн. ч). существующее въ Бзыбской Абхазіи, 2) о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ) и 3) о карликахъ Цаніяхъ (или Ацанъ); послѣднія 2 преданія распространены по всей Абхазіи. Первое преданіе гласитъ, что нѣкогда, въ ущельи рѣки Бзыби, около Калдахваръ, жило племя страшныхъ великановъ людодовъ съ семью и болѣе головами, которые имѣли во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали въ странѣ, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей, пока не явились сюда богатыри Норты и не побѣдили ихъ. Могилу одного изъ этихъ великановъ одноглазыхъ еще донынѣ указываютъ въ Калдахварскомъ ущельи, близъ развалинъ крѣпости Хассанъ-Табо. Остановимся нѣсколько на этомъ интересномъ преданіи. Адоу по абхазски значитъ собственно богатырь. Въ Абхазіи именемъ Доу или Адоу названъ между прочимъ одинъ изъ извѣстныхъ пореваловъ (гдѣ, вѣстатіи сказать, находятъ въ землѣ въ большомъ количествѣ старинныя желѣзныя стрѣлы). Это абхазское преданіе невольно приводитъ намъ на мысль совершенно подобныя преданія, существующія у другихъ кавказскихъ горцевъ. У осетинъ мы также сталкиваемся съ сказаніями о борьбѣ богатырей Доу или Дзау, составлявшихъ въ древнія времена туземное населеніе Осетіи, съ храбрыми и неустрашимыми рыцарями-Нартами, явившимися къ нимъ изъ Персіи и вступившими съ ними въ упорную борьбу, которая кончилась пораженіемъ нартовъ и сліяніемъ ихъ съ туземцами ²⁾. У кабардинцевъ и черноморскихъ черкесовъ также чрезвычайно распространены преданія о борьбѣ неуклюжихъ великановъ-людо-

¹⁾ Вып. XIII, отд. II (1892 г.) и вып. V (1886 г.).

²⁾ Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получили отъ нашего корреспондента въ Абхазіи, учителя Горской Школы при Ново-Аеонскомъ монастырѣ (въ Пемртехѣ), В. Г. Хорава, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ существующую въ Абхазіи легенду о Нартахъ, совершенно аналогичную Нартовскимъ сказаніямъ Осетинъ и Черкесовъ—Адыгѣ. „Эта легенда, вмѣстѣ съ другими преданіями, сообщаемыми г. Хораво, будетъ напечатана нами впоследствии въ подробностяхъ. Любопытно, что главнымъ героемъ

ѣдовъ съ храбрыми и хитрыми Нартами ¹⁾ ²⁾.—Передавая абхазское сказаніе о Циклопахъ, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь встать о любопытнѣйшемъ преданіи о великанахъ одноглазахъ, записанномъ въ Мингрелии, близъ границъ Самурзакани ³⁾. Преданіе это представляетъ почти буквально повтореніе Гомеровскаго сказанія о Циклопахъ. Любопытно, что преданіе приурочиваетъ мѣстожителство этихъ великановъ къ какимъ-то скаламъ на берегу Чернаго Моря, изъ которыхъ вытекаетъ мѣдъ. По нашему разумѣнію, это должно быть не что иное, какъ знаменитыя медовыя скалы на Черныхъ горахъ между Гаграми и Адлеромъ (недалеко отъ устья Взыби), гдѣ въ громадномъ количествѣ гнѣздятся дикія пчелы, дающія въ изобиліи превосходный мѣдъ. Такимъ образомъ, мингрельское преданіе сходится съ абхазскимъ, съ указаніемъ на мѣстожителство великановъ.

Второе сказаніе, которое намъ особенно часто приходилось слышать, такъ какъ оно чрезвычайно распространено въ странѣ—это сказаніе о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ). Эти лѣсные люди изображаются въ сказаніи чрезвычайно дикими существами, которыя живутъ въ глуши дѣственныхъ лѣсовъ Абхазіи. Они имѣютъ длинныя волосы. Одѣваются они въ звѣриныя шкуры, и на груди у нихъ всегда бываетъ привѣшанъ небольшой топоръ. Они очень злы, и встрѣча съ ними въ лѣсу не обѣщаетъ ничего хорошаго. Живутъ лѣсные люди охотой. Въ старое время, когда абхазцы только что явились въ страну, лѣсные люди жили всюду по лѣсамъ Абхазіи и пришлецамъ пришлось вынести съ ними упорную борьбу. Любопытно, что англійскій путешественникъ по Кавказу Фрешфильдъ принялъ это преданіе за истину и въ своемъ Отчетѣ въ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ объ экспедиціи для разысканія погибшихъ на Кавказѣ англичанъ, сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ русскихъ официальныхъ лицъ, о существованіи въ лѣсахъ Абхазіи, въ долиняхъ р. Кодора, дикихъ лѣсныхъ людей.

Третье преданіе, о Цаніяхъ, или Ацаняхъ, безспорно, самое любопытное изъ всѣхъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ оно пока не появлялось. Прежде чѣмъ рассказать его, я долженъ ознакомить Васъ, Мм.

является здѣсь, какъ и въ Осетинскихъ и Черкесскихъ сказаніяхъ, все тотъ же Сосрыко (по абхаз. Сосрива, черкесск. Саузержукъ), рожденный чудеснымъ образомъ отъ обольстительной и хитрой женщины Сатанъ.

¹⁾ Нартовскія сказанія Осетинъ, Джантемира Шанаева (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. V).

²⁾ Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, вып. V). Вѣрованія, религіозныя обряды и предразсудки Черкесъ, Л. Я. Люлье, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. V, 1862 г.

³⁾ Петровъ, И. Мингрельское сказаніе объ одноглазѣхъ (Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. V, 1886 г.)

Гг., съ оригинальными постройками, съ которыми это преданіе связано. Постройки эти замѣчательны какъ по своему оригинальному типу, такъ въ особенности по своему положенію высоко въ горахъ, близъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ археологической литературѣ о нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 8000 футовъ, находятся оригинальныя городища, имѣющія видъ очень низенькихъ каменныхъ оградъ, сложенныхъ изъ необтесаннаго камня и замкнутыхъ обыкновенно въ видѣ четыре угольника. Большею частію, они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и неопытному глазу въ такихъ случаяхъ бываетъ трудно отличить ихъ отъ естественныхъ грудъ камней, образующихся на этихъ высотахъ путемъ обваловъ и осыпей. Расположены они обыкновенно гдѣ-нибудь на ровной лужайкѣ, удобной для пастбы скота, близъ горнаго потока. Эти постройки носятъ у туземцевъ названіе Цаніи-гвара, т. е. ограда Цаніевъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ Цаніяхъ народное преданіе (замѣтимъ — совершенно тожественное какъ въ Бзыбской Абхазіи, такъ и въ Абжуа и Самурзакани). Нѣкогда въ этихъ оградахъ жили карлики, принадлежавшіе къ племени Ацанъ или Цаніа (первое названіе абхазское, второе—самурзаканское). Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни вѣтра, ни холода, ни дождя, ни снѣга, ни даже—различія между днемъ и ночью. Солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и Цаніямъ не было вовсе холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для жительства лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи беззаботно жили здѣсь со своими стадами, которыя паслись на сочной травѣ нагорныхъ луговъ, возлѣ прохладныхъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ источниковъ. Питались Цаніи исключительно молочными продуктами и мясомъ козъ; мясо ѣли сырымъ, такъ какъ употребленія огня не знали. Цаніи были очень нечестивый народъ, который совершенно не хотѣлъ признавать существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на нихъ за ихъ невѣріе, задумалъ наказать ихъ. Однажды, кто-то изъ Цаніевъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода, и вслѣдъ за этимъ Цаніи почувствовали новое для нихъ ощущеніе холода. Это былъ вѣтеръ, который послалъ въ 1-й разъ Богъ на землю, чтобы наказать нечестивыхъ Цаніевъ. Вѣтеръ нагналъ черныя тучи, которыя закрыли отъ Цаніевъ солнце, и вскорѣ съ неба стали падать бѣлые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслѣдъ за тѣмъ, Богъ послалъ съ неба огонь, который воспламенилъ вату и сжегъ Цаніевъ.—Вотъ сущность преданія о Цаніяхъ. Преданіе это я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, и всѣ они его повторяли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Разсказавъ о постройкахъ Цаніевъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне любопытномъ памятникѣ старины, который мнѣ также довелось наблю-

дать въ горахъ Абхазіи. Именно, я хочу сказать о жертвенникахъ, которые находятся на многихъ горныхъ перевалахъ. Я лично видѣлъ ихъ на высокихъ перевалахъ Дзина и Хымсы. Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго Офицера» упоминается о подобномъ же жертвенникѣ на перевалѣ черезъ Главный Кавказскій Хребетъ, въ Абхазіи, у г. Капышистры. Жертвенники эти состоятъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ въ видѣ четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающій черезъ хребетъ обязанъ положить какое-нибудь приношеніе Духу Горъ, который иначе пошлетъ ему на дорогѣ туманъ или свѣжнюю вьюгу. Приношенія эти бывають самаго разнообразнаго характера. Обыкновенно кладутъ пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружіе; женщины— пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвенникѣ Дзина я встрѣтилъ въ числѣ приношеній между прочимъ большой кристаллъ известковаго шпата. Никто изъ спутниковъ не смѣетъ присвоить себѣ какую-либо изъ находящихся на жертвенникѣ вещей, подѣ страхомъ неминуемаго наказанія свыше. Описываемые жертвенники принадлежать, очевидно, глубокой древности, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ грудѣ накопившихся вѣками приношеній находятся, между прочимъ, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, откуда и происходитъ абхазское названіе такихъ жертвенниковъ «А х ч а к в а х ы б у», т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы. Вотъ образцы этихъ наконечниковъ, собранные мною въ землѣ на пер. Ачавчара. Они совершенно подобны тѣмъ, которые находятся на пер. Дзина (съ пер. Дзина я не могъ захватить ихъ, такъ какъ зорко наблюдавшій за мною все время проводникъ не позволялъ мнѣ сдѣлать этого ¹⁾).

Вообще, памятники старины въ Абхазіи едва затронуты изслѣдованіями и нуждаются въ дѣятельномъ, дальнѣйшемъ, изученіи. Въ Абхазіи напримѣръ, есть много пещеръ, служившихъ нѣкогда мѣстожительствомъ человѣка, которыя крайне интересно бы изслѣдовать. Самая любопытная изъ этихъ пещеръ или, вѣрнѣе, пещерныхъ жилищъ, есть Мычшская пещера, между сел. Отхары и Блабурхва. Она находится въ скалѣ, изъ подѣ которой вытекаетъ р. Мычшъ. Подойдя ближе къ этому мѣсту, вы увидите передъ собою громадную совершенно отвѣсную скалу, въ которой виднѣются въ разныхъ мѣстахъ 4-угольныхъ отверстія—родъ оконъ. Вообще, скала имѣетъ совершенное подобіе знаменитой скалы Уплись-Цихе, близъ г. Гори. Въ мычшскую пещеру въ недавнее время, говорятъ, пробовалъ пробраться одинъ абхазскій князь, проживавшій въ сел. Отхары, Маджаръ Ширванидзе (не-

¹⁾ Въ Черноморскомъ округѣ, въ бассейнѣ р. Мзымты, около одного домена близъ сел. Романовскаго, находятъ наконечники стрѣлъ и копій, совершенно сходные съ описываемыми.

давно умершій). Для этого онъ съ помощью нѣсколькихъ десятковъ людей соорудилъ родъ воздушнаго моста, по которому онъ достигъ одного изъ оконъ и черезъ него спустился въ пещеру. Князь ограничился однако изслѣдованіями только первой комнаты, такъ какъ не рѣшился спутиться въ другія. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ какіе-то серебряные сосуды, которые, говорятъ, были переданы имъ мѣстному участковому начальнику. Какая дальнѣйшая судьба постигла ихъ—мнѣ неизвѣстно. Не мѣшало бы поэтому гг. археологамъ серьезно заняться обслѣдованіемъ Мычишской пещеры. Равнымъ образомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе археологовъ на крайне-интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, находящуюся въ Самурзакани, на правомъ берегу р. Ингура, около селенія Дихазурги. Это такъ наз. Дихагузба. Мѣстность, извѣстная подъ этимъ именемъ, лежитъ на СВ. склонѣ г. Сатанжи, которая сама по себѣ представляетъ много интереснаго. На вершинѣ этой страны находится высокая старинная башня, видная издалѣка, а внизу у подошвы горы, на берегу р. Ингура, также находятся какія-то развалины. Въ районѣ этой мѣстности сыздавна, при распашкѣ земли, дѣлаютъ находки разныхъ вещей, преимущественно оружія. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ находокъ. Это суть: мѣдный (или бронзовый) топоръ, наконечникъ копья и женская застежка (фибула).

Этимъ свѣдѣніемъ я и закончу свое сообщеніе, которое и безъ того уже разрослось до нежелательныхъ размѣровъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ повторить, что я вовсе не имѣлъ въ виду своимъ сообщеніемъ вносить что-либо существенно-новое въ этнографическую литературу объ Абхазіи. Я желалъ лишь, изложеніемъ своихъ личныхъ 5-лѣтнихъ наблюденій, устранить кое-какія ошибки, вкрапія въ эту литературу и до сихъ поръ неисправленныя. Мнѣ хотѣлось также возбудить среди этнографовъ интересъ къ абхазцамъ — этому любопытному народу, являющемуся въ настоящее время единственнымъ представителемъ тѣхъ рыцарскихъ черкесскихъ племенъ, которыя нѣкогда, еще не такъ давно, занимали все Восточное побережье Чернаго моря вплоть до р. Ингура,—народу, который, къ сожалѣнію, теперь подъ давленіемъ русской культуры быстро утрачиваетъ свою племенную самобытность.